Воронина Галина Александровна

ВОПРОС О ПРЕСТУПНОСТИ ДЕЯНИЯ ПРИ НАМЕРЕННОМ ПРЕРЫВАНИИ БЕРЕМЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья раскрывает исторические особенности законодательства о намеренном прерывании беременности в период существования Российской империи. Рассматривается трансформация норм права об искусственном аборте от квалифицированного до привилегированного вида убийства. Значительное внимание в статье уделяется неоднозначным взглядам правоведов указанного периода на проблему правовой трактовки о намеренном прерывании беременности как об убийстве, требующем уголовной ответственности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 53-55. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94
Исторические науки и археология

Статья раскрывает исторические особенности законодательства о намеренном прерывании беременности в период существования Российской империи. Рассматривается трансформация норм права об искусственном аборте от квалифицированного до привилегированного вида убийства. Значительное внимание в статье уделяется неоднозначным взглядам правоведов указанного периода на проблему правовой трактовки о намеренном прерывании беременности как об убийстве, требующем уголовной ответственности.

Ключевые слова и фразы: прерывание беременности; плодоистребление; плодоизгнание; аборт; греховное деяние; преступное деяние; убийство; зародыш; плод; закон; ответственность.

Воронина Галина Александровна
Астраханский государственный университет
gavoronina@mail.ru

ВОПРОС О ПРЕСТУПНОСТИ ДЕЯНИЯ ПРИ НАМЕРЕННОМ ПРЕРЫВАНИИ БЕРЕМЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ©

Прерывание беременности представляет собой одно из тех деяний, которое не только в различные исторические эпохи, но и в одно и то же время расценивалось неоднозначно. Прежде всего, это объяснялось чрезвычайно резкими противоречиями во взглядах на значение общественной опасности данного деяния на различных этапах развития общества.

История отечественного права делится на несколько периодов, одним из которых является период Российской империи, в котором, по словам правоведа М. Ф. Владимирского–Буданова, господствовал закон [2, с. 4]. Законодательные установления о прерывании беременности в Российской империи определяются во многом отношением христианской религии к этому деянию. Церковь с древнейших времен рассматривает намеренное прерывание беременности (аборт) как тяжкий грех.

Несмотря на то, что грех есть нарушение требований религии, а преступление есть нарушение велений закона, в истории же права представление о намеренном прерывании беременности как греховном и преступном деянии зачастую смешивалось, в связи с чем, например, к уголовным и исправительным наказаниям зачастую присоединялось и церковное покаяние.

Избавление от нежелательной беременности каралась жестоко. Это объяснялось наличием в содеянном «3-х смертных грехов»: посягательством на человеческую жизнь, лишение жертвы благодати крещения и сокрытие следов блуда [3, с. 92].

В Древней Руси прерывание беременности на любом сроке не отграничивалось от убийства новорожденных детей и входило в понятие детоубийства, которое также долгое время считалось грехом, а не преступлением. Отраженное в уставах русских князей каноническое византийское право видело в детоубийстве, скорее, не посягательство на жизнь, а на христианские устои семьи и нравственности, в связи с чем наиболее тяжким по каноническому праву считалось убийство незаконнорожденного младенца его матерью. При этом, по примечанию правоведа М. М. Боровитинова, в Российской империи на истребление плода распространялось постановление Соборного Уложения 1649 года об убийстве новорожденного «незаконно прижитого» младенца, либо постановление об убийстве родителями своих законных детей. Так, согласно Уложению, если речь шла о детях, «прижитых в блуде», то наказанием за такое преступление была смертная казнь; если совершалось убийство ребенка, рожденного в браке одним из родителей, то данное деяние считалось незначительным преступлением, требующим в качестве наказания, лишь года тюремного заключения, после чего родитель-убийца объявлял о своем грехе у церкви [1, с. 13].

Таким образом, ввиду отсутствия норм, непосредственно регулирующих прерывание беременности, можно предположить, что если у беременной женщины выкидыш случался по вине лица, не являющегося родителем ребенка, находящегося во чреве, умышленно совершившего данное деяние против желания родителей, и если при этом мать оставалась живой, то такое деяние не рассматривалось преступным. В то же время в случае наступления смерти как самого плода, так и матери неродившегося ребенка в результате такого деяния, оно рассматривалось преступным и наказывалось как за убийство женщины без учета смерти плода. Следовательно, с точки зрения права, сам плод еще не воспринимался как личность, а отнесение убийства незаконнорожденного ребенка к квалифицированным видам убийства имело главной целью преследование незаконного сожительства и блуда и лишь затем самого факта лишения жизни младенца. По мнению А. Д. Любавского, это было сделано с целью воспитания нравственности народа [4, с. 14].

Свод законов 1832 года определяет убийство ребенка, находящегося в утробе матери, таким термином, как детоубийство. Убийство младенца, уже родившегося, именовалось чадоубийством [6, с. 134]. Однако в последующем законодательстве термин «чадоубийство» более не употреблялся. Отныне одинаковые постановления применялись как к убийству незаконных, так и законных детей, согласно которым наказанием за умышленное причинение смерти малолетнему ребенку, независимо от его возраста и законности рождения, признавалось тяжким преступлением и наказывалось бессрочными каторжными работами.

© Воронина Г. А., 2013

Таким образом, отношение к убийству незаконнорожденного ребенка как к квалифицированному виду убийства начинает подвергаться критике, церковным догматам противопоставляются извинительные мотивы, толкавшие мать на преступление, среди которых особое место, по мнению И. Б. Фукса, занимало стремление скрыть путем перерыва беременности внебрачные сношения и предотвратить часто связанные с ними позор, семейный разрыв и нередко нужду [8, с. 19].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а также Уложение 1903 года идут по дальнейшему пути смягчения наказания за убийство незаконнорожденных детей.

Начиная с 1845 года, законодательство Российской империи выделяет прерывание беременности в самостоятельное преступление, которое, однако, непосредственно примыкает к детоубийству, но обладает специфическими чертами. Данное преступление именуется как вытравление плода, умерщвление плода, плодоизгнание, плодоистребление.

Отношение правоведов второй половины XIX – начала XX в. к искусственному прерыванию беременности как деянию уголовно наказуемому было неоднозначно.

По мнению известного криминалиста XIX века Н. С. Таганцева, истребление плода есть убийство нерождённого дитяти в утробе, каков бы ни был период его развития [6, с. 267].

При этом он отмечает, что человек является личностью с момента зачатия, следовательно, посягательство на его существо, т.е. совершение истребления плода, это: 1. безнравственное деяние; 2. посягательство на права родителей; 3. противозаконное убийство [Там же, с. 253].

Кроме того, указывая на степень общественной опасности этого деяния, Н. С. Таганцев обращает на него внимание именно как на преступление в виду двоякого негативного последствия, а именно: уничтожение самостоятельной правомерной жизни, повреждение здоровья или даже смерть матери.

Преступным, по мнению Н. С. Таганцева, должно быть и само посягательство на зародыш. При объяснении своей точки зрения он считает, что хотя жизнь плода в утробе и младенца вне утробы существенно различаются друг от друга, но первая все-таки есть жизнь, а следовательно, и посягательство на нее есть один из видов убийства [Там же, с. 257].

И. Я. Фойницкий полагал, что зародыш, находящийся в утробе матери, отличается от человека, и понятие «лишение жизни» принимается лишь с момента рождения. По мнению И. Я. Фойницкого, плод, пока он находится в утробе матери, еще не начал жить самостоятельной жизнью и не может быть признан членом общежития, человеком в точном смысле этого слова [7, с. 18].

И. Б. Фукс был не согласен с признанием плодоизгнания преступлением против человеческой жизни, убийством, представление о котором базировалось на положении канонического права, считающего плод личностью, человеком. По его мнению, у плода отсутствует как самостоятельность, так и какая бы то ни было психическая деятельность. Неотъемлемым признаком человеческой жизни должно, бесспорно, считать психические функции организма, отсутствие которых являет собой безжизненность. В связи с чем, И. Б. Фукс полагал, что посягательство на лишенный психики и самостоятельности человеческий эмбрион преступлением против жизни названо быть не может. И. Б. Фукс настаивает, что взгляд на плодоизгнание как на преступление против будущей личности должен быть категорически отвергнут.

По мнению И. Б. Фукса, плодоизгнание не является аморальным, наказуемость его кажется неосновательной, несправедливой, ибо, если все безнравственное считалось бы преступным, то весь мир должен был бы обратиться в огромную тюрьму и все человечество - в преступников.

И. Б. Фукс ссылается на нецелесообразность и бесполезность закона о плодоизгнании, поскольку воспринимает его как внешнюю преграду на пути к внутреннему моральному совершенствованию личности. Он утверждает, что одно внешнее выполнение, без надлежащего морального чувства, этического значения иметь не может, принудительная же система нравственности, этот напоминающий средневековое морально-религиозное воспитание при помощи костров и пыток способ упрочивания нравственных понятий преграждает доступ к высшему моральному совершенствованию, путь к которому представляет собственный, внутренний прогресс [8, с. 16].

М. Л. Олейник, исходя из того, что по общему правилу преступление это остается необнаруженным и безнаказанным, так как здесь нет пострадавших – в настоящем смысле этого слова, в чьих интересах было бы довести об этом до сведения кого следует, ставит вопрос о целесообразности (с точки зрения экономии карательных сил государства) преследования таких деяний. Кроме того, он указывает, что сохранение в законе такой нормы, которая фактически безнаказанно обходится всем, кто только пожелает, безусловно, вредит авторитету карательной власти [5, с. 113].

Историческое смешение области права с областью религии заложило законодательные основы, согласно которым намеренное прерывание беременности трактовалось как тяжкий грех, требующий, помимо церковного покаяния, уголовной ответственности.

Намеренное прерывание беременности, вытравление плода, умерщвление плода, плодоистребление, плодоизгнание в период Российской империи прошло путь от квалифицированного вида убийства до убийства привилегированного, т.е., как указывал И. Я. Фойницкий, объясняя разницу между этими видами убийств, превратилось из убийства тяжко наказуемого в дозволенное, хотя бы и заслуживающее наказания, но уменьшенное ввиду разных побочных причин, вызывающих его, а именно - особого состояния организма виновного [7, с. 45]. К концу XIX века оно стало восприниматься как преступление, обладающее, по сравнению с иными видами убийства, меньшей степенью общественной опасности.

Основные доводы, обосновывающие отнесение плодоистребления к деяниям преступным, а именно убийству, было связано с восприятием зародыша, плода личностью с момента зачатия. Однако достижения в области медицины и психологии, развитие философской и юридической мысли, учет статистики, подтверждающей

печальное с точки зрения уголовного правосудия обстоятельство, что под действие карательных мер подпадало едва 1:10000 преступных деяний этого рода, все это подводило к концу XIX -началу XX столетия к осознанию того, что сохранение нормы об уголовной ответственности за совершение намеренного прерывания беременности подрывает уважение к правосудию, разрушает веру в уголовное возмездие и справедливость вообще и тем самым деморализует общество [5, с. 113].

На рубеже XIX-XX вв. в Российской империи все актуальней стали звучать слова правоведа М. Л. Олейника о том, что современное государство, создав норму «изгнание плода наказывается тем то и так то», не разрешило этого вопроса, а лишь отмахнулось от него [Там же, с. 118].

Вопрос об отнесении данного деяния к категории греховного оставался неизменным с точки зрения православия, однако сохранение правовой трактовки о нем как об убийстве требовал реформирования законодательства по направлению смягчения ответственности и даже исключения аборта из числа преступных деяний.

Список литературы

1. **Боровитинов М. М.** Детоубийство в уголовном праве. СПб.: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1905. 29 с.
2. **Владимирский–Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. Изд-е 4-е. Киев: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, Типография Высочайше утвержденного товарищества И. Н. Кушнерева и К°, 1905. 694 с.
3. **Кабанова И.** Женщины–убийцы // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2005. № 3-4 (21). С. 92-95.
4. **Любавский А. Д.** О детоубийстве // Юридический вестник. 1863. Вып. 37. № 7. С. 1-29.
5. **Олейник М. Л.** Преступный аборт в доктрине и законодательстве // Труды Кружка уголовного права при С.-Петербургском университете с предисловием М. М. Исаева. СПб., 1913. С. 109–152.
6. **Таганцев Н. С.** О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб.: Типография А. М. Котомина, 1871. Т. II. 521 с.
7. **Фойницкий И. Я.** Уголовное право. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. Изд-е 5-е. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907. 443 с.
8. **Фукс И. Б.** Проблема преступности плодоизгнания. Харьков: Типолитография М. Сергеева и К. Гальченка, 1910. 21 с.

QUESTION OF CRIMINAL NATURE OF PREGNANCY DELIBERATE TERMINATION IN THE RUSSIAN EMPIRE

Voronina Galina Aleksandrovna
Astrakhan' State University
gavoronina@mail.ru

The author reveals the historical features of the legislation on the deliberate termination of pregnancy during the period of the Russian Empire existence, considers the transformation of the law norms on induced abortion from a qualified to privileged type of murder, and pays considerable attention to jurists' controversial views on the problem of the legal interpretation of pregnancy deliberate termination as a murder, which requires criminal liability, during this period.

Key words and phrases: termination of pregnancy; extermination of fetus; expulsion of fetus; abortion; sinful act; criminal act; murder; embryo; fetus; law; liability.

УДК 94“1945/1953”
Исторические науки и археология

Данная статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме организации свободного времени детей летом. В частности, автором был рассмотрен исторический опыт решения данного вопроса на примере Советской Украины в период первых послевоенных лет. Основное внимание акцентировано на коллективных видах организации досуга несовершеннолетних во время летних каникул. Выделяются и описываются разнообразные формы идейно-воспитательной работы с ребятами, присущие периоду позднего сталинизма в Украинской республике.

Ключевые слова и фразы: детство; послевоенное время; коллективные формы досуга; идейно-воспитательная работа; пионерский лагерь.

Гаврыш Ольга Владимировна
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина
vodolashka@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕТНЕГО ДОСУГА СОВЕТСКИХ РЕБЯТ В 1945 – НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ УКРАИНЫ)©

Дети – это особая социально-демографическая группа общества, которая обладает специфическими потребностями и интересами. Одним из основных критериев оценки какого-либо социума является забота

© Гаврыш О. В., 2013